

Александр ЕРШОВ

г. Петрозаводск

ЖИЗНЬ В «ЖИВИЦЕ»,
В САМОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ
ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

Даже не знаю, с чего это я решил, что в снятую на девять дней агроусадьбу «Живица» нам надо добираться обязательно по «чыгунке», сиречь по железной дороге.

Возможно, мне показалось, что если наше пристанище находится недалеко от станции Зябки (оцените это прелестное название), то и ехать нам туда надо на поезде.

Когда я позвонил Алле, хозяйке «Живицы», и сообщил, что мы прибываем поездом, то ответом мне было долгое молчание. Потом Алла спросила:

– А вы когда к нам собираетесь прибыть? Вы еще хотите в Полоцке остановиться?

– Да нет, как договаривались, завтра приедем.

– И вы хотите ехать на поезде? Зачем?!

– Да, а что? А разве на поезде к вам не доехать? Когда будем подъезжать – позвоним.

Опять сначала долгое молчание, а потом:

– В общем-то, доехать можно, конечно. Ну, хорошо, ребята, буду вас ждать. На станции встречу...

На следующий день после нашей прогулки по Витебску и пивной вечеринки с Эдиком Лена и я, собрав вещи и с облегчением попрощавшись с домом Петровича, отправились на городской железнодорожный вокзал.

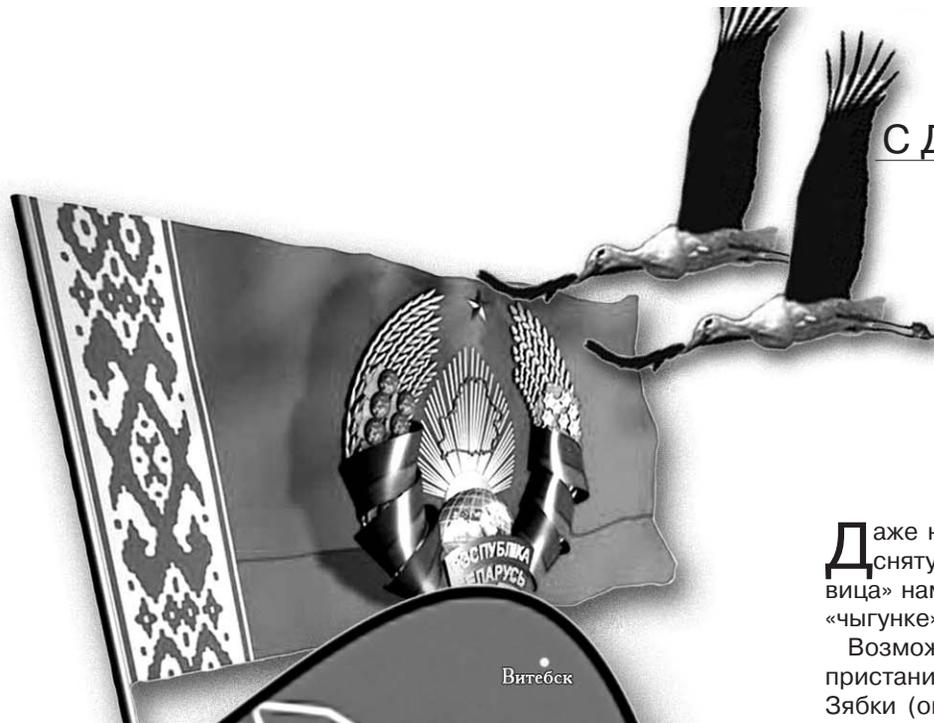
Тетенька в окошечке кассы недоуменно посмотрела на меня, когда я попросил ее продать два билета до станции Зябки.

– А где это? – спросила она.

– В Витебской области, это я точно знаю, – растерянно ответил я. – А что, вы не знаете такой?

– Да вы не беспокойтесь, молодой человек, сейчас найдем ваши Зябки, – кассирша

(Окончание. Начало в № 3-4, 2013)

Моя белорусская
Мозаика

«СЕВЕР» N 5-6-2013

застучала клавишами компьютера. – А! Вот наша! Только вам до Зябок придется с пересадкой ехать, из Витебска до них прямого поезда нет.

– А где пересадка?

Тетенька кивнула нам и охотно объяснила:

– Сейчас берете билет до Полоцка, поезд через час. Там часа два переждать придется, сядете на дизель до Зябок. И к вечеру там и будете.

– «Дизель» – это поезд? – уточнил я.

– Да-да, пригородный поезд, – наша собеседница улыбнулась и спросила:

– А зачем вам так сложно добираться-то до Зябок?

– А можно проще?

– Да боже мой! Можно проще! Сейчас выйдете из вокзала, повернете налево, немного пройдете, и будет прямо перед вами автовокзал. Оттуда скоро пойдет автобус до Глубокое. Он вас прямо до места и довезет.

– Что такое Глубокое?

– Глубокое – это у нас такой районный центр. Очень красивый город, кстати. А деревня Зябки как раз и находится в Глубокском районе, – касириша улыбнулась. – Счастливого пути и удачи вам. Вы из России?

– Да.

– И что вы сюда приехали? Неужели здесь так интересно?

О боже, опять тот же вопрос...

– Да просто приехали. Спасибо вам огромное за помощь!

На автовокзале мы без труда купили билеты и уселись в чистенький удобный автобус, на лобовом стекле которого красовалась табличка «Віцебск – Глыбокае».

Перед тем как отправиться в путь, позвонили Алле и сообщили ей об изменении нашего маршрута следования.

– Вот и хорошо, – облегченно вздохнула та. – А я-то хотела вам объяснить, как легче добираться, но подумала, что у вас какие-то еще дела в Полоцке есть. Ну, так жду вас на остановке в Зябках.

И мы поехали...

Вот тут как раз самое время объяснить, почему мы решили часть нашего отпуска провести именно в так называемой агроусадьбе. Да еще в Белоруссии.

Дело в том, что в прошлом году мы отлично отдохнули на частной вилле в Хорватии, прямо на берегу Адриатики. И хозяйева этой виллы практикуют агротуризм.

То есть, отдыхая на море и устав от безделья,

туристы на досуге могут поучаствовать в посадке картошки, в сборе оливок, в изготовлении вина и виноградной водки – ракии, и даже сделать домашние заготовки.

Не скажу, что российские отдыхающие прямо-таки кидались выполнять все эти сельхозработы, но сама идея предложения такого познавательного и увлекательного отдыха мне понравилась.

Слышал я и о том, что в Беларуси этот самый агротуризм весьма активно развивается. Причем Александр Григорьевич Лукашенко даже издал специальный указ «О мерах поддержки развития агротуризма».

На сайте белорусского президента по этому поводу я нашел его замечательное высказывание:

«В то время как в России крестьянство брошено государством на произвол судьбы, стремительно исчезают деревни и хутора, а сельские жители массово переселяются в города, в Белоруссии сельский образ жизни становится модным и перспективным.

Оказывается, более 80% горожан хотели бы провести свой отпуск не на море, а в деревне. Во всем мире агротуризм становится все более популярным. Развивается он и в Беларуси.

Деревенские дома превращаются в гостиницы, коровники в местную достопримечательность, а сельский клуб в гламурный развлекательный центр».

Вот особенно про «гламурный развлекательный центр» мне очень понравилось, и про коровники, что могут превратиться в местную достопримечательность...

И как, скажите, после этого не захотеть поехать и своими глазами не посмотреть на гламурные сельские клубы? Естественно, очень хотелось.

Но еще хотелось и отдохнуть в тишине, выпаться, вдоволь надышаться свежим воздухом и купаться каждый день в каком-нибудь чистом белорусском озере.

В Интернете я нашел адреса буквально сотен агроусадоб в Белоруссии, готовых принять нас в своих хоромах, обогреть, накормить, напоить и развлечь.

Но из всего разнообразия гостевых деревенских домов я выбрал именно «Живицу». Знаете почему?

Во-первых, мне очень понравилось название. «Живица»!!! Очень по-доброму, по-деревенски, по-домашнему как-то звучит это слово. «Живица»!

«Живицей» называют прозрачную смолу хвой-

ных деревьев. Но слово «живица» означает у славян еще жизненную силу, жизнеспособность, молодость и – вдумайтесь! – полносочие!!!! «Полносочие» – это просто замечательное слово, такое же красивое, как и «живица».

Во-вторых, озеро Долгое, на берегу которого расположилась «Живица», это самый что ни на есть географический центр Европы.

Если быть точным, то сам центр находится рядом с озером Шо, которое соединено с Долгим протоками.

А официальный знак географического центра Европы установлен на пятьдесят километров восточнее самой точки – в городе Полоцке. Ну, понятно, кто же в леса полезет его смотреть.

Кстати, обосновали, что именно в этом месте и расположен географический центр Европы в 2000 году именно белорусские ученые. Два продвинутого специалиста создали специальную компьютерную программу, которая принимает Европу за единое целое и определяет Уральские горы как ее восточную границу.

Вот так разложили Европу в компьютере и вычислили ее центр. А через восемь лет уже российские ученые подтвердили расчеты белорусских географов.

В-третьих, меня привлекало само озеро Долгое.

По-белорусски оно называется нежно: Дбўгае. На фотографиях оно выглядело очень красивым. Кроме этого, озеро, к которому мы ехали, – самое глубокое в Беларуси, с очень чистой и очень насыщенной кислородом водой.

А еще мне очень понравилось, как мы общались с нашей будущей хозяйкой Аллой.

Когда я определился с выбором усадьбы, пришла пора звонить и конкретно договариваться.

Алла подробно рассказала, что и где в усадьбе находится, спросила, что мы любим кушать на завтрак, на обед, на ужин (мы заказали проживание в «Живице» с питанием), и уже сразу стала беспокоиться, что нам что-то не понравится. Зря беспокоилась.

Забегая вперед, скажу, что такое искреннее гостеприимство, что мы встретили в усадьбе, вообще редко где увидишь и почувствуешь.

Вот давайте сразу расскажу о том, что мы там кушали, чтобы к вопросу о питании больше не возвращаться.

Алла просто закармливала нас. Белорусские колбаски с вареной картошечкой, тушеная свинка с той же картошечкой, только жареной.

Настоящий белорусский борщ с деревенской сметаной, в котором ложка стоит, грибной супчик, грибы жареные, драники, яичница со шкварками, куриные рулетики.

А какие беляши пекла Алла!

И, конечно же, блины с маканей! Не знаете, что это такое? Сейчас расскажу.

Значит так, на сковородке вытапливается сало с прожилками мяса, туда же добавляется крепкий душистый бульон, кладется немного настоящего сливочного масла, пара ложек сметаны и немножко муки. Также на сковородку кидается чуть-чуть мелко нарезанной белорусской колбаски.

Все это тщательно размешивается, и у нас получается эдакий обалденный соус, в который мы макаем (отсюда и название – «маканя») свежеспеченные блины.

Обмакиваешь блин и – ам – откусываешь. Обмакиваешь и опять – ам – откусываешь. Вкусотища неопишуемая!

Одно плохо: больше трех блинов с маканей я осилить просто не мог, до того сытное блюдо. А ведь Алла пекла нам не три блина, не пять, не десять, а целую гору!

И запиваешь все это великолепие настоящим деревенским свежим холодным молоком! Ах, это белорусское домашнее молоко! Я в день выпивал его по два литра, поскольку не мог удержаться.

Представляете, с какой наетой харькой я оттуда приехал!

Алла, кстати, очень удивлялась нашему распорядку дня. Она никак не могла понять, как можно завтракать в одиннадцать утра, обедать в три-четыре дня, а ужинать в восемь вечера. Сама-то она была уже с раннего утра на ногах и хлопотала или на кухне, или в саду.

Почти каждый раз, когда мы садились кушать в усадьбе, Алла устраивалась рядом и со скорбью в глазах причитала: «Ребята, что же вы так мало кушаете. Похудеете тут у меня...»

Без комментариев...

Итак, мы высадились на вильнюсской трассе у аккуратной платформы со стоящей рядом табличкой «Зябки».

На платформе не было ни души. Я уже начал подумывать, что не только Петрович умеет в Беларуси обманывать доверчивых россиян, как совершенно неожиданно рядом с нами притормозил старенький красный «Фольксваген».

Из-за руля машины вышла невысокая, чуть полноватая женщина и стеснительно улыбнулась:

– Наверное, я вас встречаю. Здравствуйте!

Удерживая Лену, которая, в свою очередь, удерживала два чемодана, я спросил:

– Вы Алла?

– А вы Саша и Лена?

– Да-да! Здравствуйте.

Алла помогла загрузить наш багаж в машину, и мы тронулись по направлению к «Живице».

По пути, естественно, спросила, почему решили отдохнуть именно в Беларуси и что мы здесь хотим найти или увидеть. Мы уже даже не удивлялись этому привычному для нас интересу...

Алла вела машину вполне уверенно, хотя жаловалась нам:

– Вообще-то, у меня муж всегда за рулем, но сейчас он в Полоцке, готовит там открытие конноспортивного клуба. Он с друзьями взял в аренду участок земли в городском парке и хочет там сделать и катание верхом на лошадях, и аттракционы всякие, молодоженов катать на каретах и для детей покатушки устраивать. Весь в делах мой муж. Но вы с ним обязательно встретитесь.

Вы откуда? Из Карелии? Правда? А у него в Карелии, в Медвежьегорске, родственники живут. Уехали еще в пятидесятые годы на лесозаготовки туда. Знаете такой город?

Еще бы не знать. Ведь я там родился и жил до десяти лет! Вот ведь как! Тесен мир, воистину тесен!

Путь в Долгое (или Дбўгае, по имени озера) лежал через деревню Зябки. Как раз в этих Зябках и была железнодорожная станция, куда я хотел поехать из Витебска.

Зябки – деревня очень большая. Там есть клуб, правда совсем не гламурный, как обещал Александр Григорьевич Лукашенко на своем сайте, а обычный. Есть большой сельсовет, напротив которого находится памятник советским воинам, есть почта и отделение милиции.

А еще есть два магазина. Алла показала их нам сразу и объяснила:

– Вот этот магазин, что мы сейчас проезжаем, он – частный. А чуть дальше, у станции, есть государственный.

«Государственным» магазином Алла называла магазин белорусской потребкооперации, а «частным» – торговую лавку, принадлежащую какому-то предпринимателю из Полоцка.

Ассортимент в этих магазинах был абсолютно одинаковый: хлеб, молочная продукция, мясные изделия, алкоголь, пиво, сыры и другая еда. Присутствовали на прилавках резиновые сапоги, немного одежды и детские игрушки.

Короче, сельпо в самом традиционном советском варианте.

И в «частном», и в «государственном» магазинах на видном месте висела бумажка со списком жителей Зябок, кому, решением сельского совета, запрещена продажа спиртного.

Эти списки мы с Леной увидели позже, когда ходили в магазин за какими-то мелочами уже из усадьбы.

Когда мы спросили у Аллы, что это такое, она ответила:

– А это местные пьяницы у нас так прославляются. Сейчас уборочная идет, работать надо, а они могут надолго загулять. Вот им и не продают водку. Это у нас так везде. Лукашенко не привлекает алкашей.

Показала нам Алла и саму станцию Зябки.

Небольшое здание вокзала как будто сошло с цветных фотографий конца пятидесятых годов прошлого века – чистенько, вокруг цветы.

Стены вокзала не разрисованы похабными рисунками и надписями. И, ребята, на этой маленькой станции абсолютно чистый туалет!

Совершив небольшую экскурсию по Зябкам, мы по проселочной, но очень хорошей дороге двинулись непосредственно в «Живицу».

Усадьба Аллы и Виктора находится ровно посредине деревеньки.

На участке, что расположен прямо на берегу озера, растут яблони, сливы, груши и есть небольшой огородик.

Все остальное место занимают два дома – большой у самой дороги, а маленький расположился прямо у воды – и две ухоженные лужайки.

Одна у главного дома, на ней установлена качающаяся скамеечка под тентом, рядом с этими качелями уже определено место для небольшого пруда, который собирается соорудить Виктор. Вторая ниже, у маленького дома. На этой лужайке стоят мангал, столик и детские качели.

Лужайки – верхняя и нижняя – разъединены небольшой каменной террасой, которую сделал муж Аллы.

Со стороны улицы «Живица» отделена от остальной деревни сделанным из валунов забором.

С нижней лужайки к озеру можно спуститься по удобной каменной лестнице – тоже плод усилий Виктора. На берегу совсем крохотный пляжик и мостки, с которых гости усадьбы могут половить рыбу.

Я сам видел, как, стоя на мостках, вытаскивали одну за другой рыбешек Эдик, его сын и племянница, когда они приехали в Долгое навестить нас.

Алла рассказывала, что к ней приезжают заядлые рыболовы на пару дней, на один денек или вовсе на полдня, чтобы покидать удочки с берега или углыть на лодке подальше от усадьбы и рыбачить там.

В чистейших водах Долгого водятся сиги, щуки, угри, налимы, лини, плотва и даже язи попадают. Такой вот рыболовный рай.

А я частенько, пока мы там жили, видел, как мимо нашего пляжика деловито проплывали по каким-то своим надобностям выдры с забавными мордочками, торчащими над водой.

Это озеро действительно уникально и потому, что там вода отменно чистая, и потому, что в его водах и на его берегах обитают редкие виды рыб и животных.

Именно поэтому еще в 1979 году Долгое было объявлено гидрологическим заказником и всякая промышленная деятельность здесь запрещена.

А о красоте этого замечательного водоема мне просто не рассказать – озеро надо видеть воочию. Никакие фотографии не передадут волшебную прелесть Долгого.

За лето вода озера прогрелась, и поэтому я часто купался. Из девяти дней лишь три обошлись без купания. Это было уже в самом конце нашего отдыха, когда после страшной грозы погода испортилась и на улице резко похолодало.

Гроза действительно была знатная!

В тот день, где-то после обеда, на небе небольшие облачка стали собираться вместе и образовывать безобидные пока тучки. Постепенно эти тучки решили объединиться, и возникла одна огромная туча, которая все пухла и пухла и наливалась темно-лиловым цветом. От одного ее вида нам с Ленкой стало как-то не по себе.

Наконец эта темная брюхатая туча закрыла все небо. Стало темно и холодно. Где-то внутри ее полыхали молнии. И вот эти молнии вырвались наружу, и начался настоящий ад.

Молнии, огромные и яркие, били в озеро, били в землю, в поля за деревней. И после каждого удара молний раздавался, казалось, на всю вселенную страшный грохот: «Кр-рра-ррах. Кр-рра-ррах!» Этот грохот не мог заглушить даже шум проливного дождя.

Гроза бушевала два часа, потом ушла куда-то в сторону Полоцка. Но раскаты грома слышались еще очень долго, половину ночи точно...

Алла предложила нам выбор:

– Ребята, вы можете поселиться в большом доме в гостевых комнатах, хоть на первом, хоть на втором этаже. Тут душ есть, камин, все удобства. А если хо-

тите, то селитесь в том маленьком домике у озера. Там вы вообще будете жить одни, только кушать сюда придется приходиться.

Лена и я даже не совещались, а тут же решили, что будем жить в маленьком домике. У нас там были две комнаты, душ, туалет и даже своя баня с замечательной парилкой.

Топили мы ее три раза, и я в парилке с удовольствием охаживал себя выданными мне Аллой душистыми дубовыми вениками. После такой парилки хотелось летать, такая легкость образовывалась в теле!

Нам в спальню хозяйка поставила огромную вазу с яблоками. И аромат этих яблок я никогда не забуду. Удивительный аромат только что сорванных с дерева плодов.

Яблок в 2012 году в Беларуси уродилось множество, их просто не успевали собирать. А мы в удивительной вечерней тишине слышали, как они падают на землю с веток.

А еще в нашем домике под самой крышей была замечательная широкая терраса.

С нее открывался прекрасный вид на озеро. На террасе стояли стол и пластмассовые стулья.

Каждый день я забирался туда, взяв с собой книжку, бутылочку холодного пива и свой дневник. И на этой террасе я мог просидеть целый день, потеряв счет времени.

И только голос Аллы: «Ребята, пора обедать (или ужинать)» возвращал меня к действительности.

А еще как бесплатное, но очень приятное приключение к домику нам достался средних размеров симпатичный пес-«дворянин» рыжевато-черной масти и с большими карими грустными глазами. За эти глаза Ленка и я назвали его Басиллашвили, или просто Басик.

Басик все эти дни охранял нашу дверь, сопровождал нас во время прогулок по окрестностям деревни Долгое, ночью устраивался под домом и тихонечко ждал, когда мы проснемся и накормим его остатками еды со щедрого стола Аллы.

Особенно нравилось Басиллашвили забираться на террасу, когда я там медитировал, ложиться у ног и отгонять от меня ос, которые время от времени залетали туда с яблоневых деревьев.

Устроившись в домике у озера, мы пришли к Алле в большой дом обедать. Усевшись за уставленный разносолами стол, первым делом сказали хозяйке, что просто поражены и красотой озера, и усадьбой, и ее гостеприимством.

– Спасибо огромное, Алла! У вас тут так здорово!

Алла довольно улыбнулась и ответила:

– Да я когда сама в первый раз это место увидела, оно мне на душу так и легло. Красота, тишина. Что еще надо для счастья?

Она рассказала, что ради покупки этого участка им с Виктором пришлось продать большой дом в другом районе Беларуси.

– Но вот знаете, нисколько о том, что дом продали, не жалею, – рассказывала Алла. – Когда у мужа созрел план сделать здесь агроусадьбу, я сначала очень обрадовалась. Но даже и не думала, что все будет так тяжело.

– Да уж, трудов, чтобы это хозяйство содержать, надо немало, – посочувствовал я ей. Алла покачала головой.

– Я не о физических трудностях говорю. На это мы были готовы. Я о другом. Вот вроде есть у нас указ президента о развитии агротуризма, нам в этом деле помогать должны, льготы всякие положены. А на деле по-другому все получается.

– Лукашенко обманул?

– Да при чем здесь Лукашенко, – поморщилась Алла. – Не нравится мне, что сейчас у нас все на президента валят. Чуть что, Лукашенко виноват. А ведь он не может же за каждым нашим толсто-мордым чиновником уследить. Нервы нам с этой усадьбой ведь не Лукашенко трепал, а как раз местные власти.

И хозяйка «Живицы» поведала нам, как строилась эта усадьба. Конечно же, у Аллы и Виктора не было таких денег, чтобы самим создать здесь все условия для приема туристов. И под свой проект они взяли кредит в белорусском Агропромбанке.

– Для таких, как мы, желающих оборудовать агроусадьбу предусмотрено льготное кредитование, – рассказывала Алла. – И мы получили кредит. В банковском договоре была прописана каждая мелочь: в какой срок и что конкретно мы должны были сделать на участке, когда отремонтировать дома, когда и какую технику и мебель сюда закупить, когда первых туристов принять и когда первую прибыль получить. Подписали мы этот договор, и началась у нас веселая жизнь!

Алла вздохнула и продолжала:

– Представители банка и райисполкома проверками нас замучили. И плановыми, и внеплановыми. Приезжает, например, к нам комиссия и начинает придирается: «У вас к этому дню должны в домах стоять пять кроватей, два телевизора, камин уже должен быть сделан, шкафы расставлены. Где все это?»

Мы объясняем, что Витя у нас заболел, не мог ка-

кое-то время работать и мы сейчас только полы перебираем. Но обязательно все сделаем в ближайшее время. А куда же пока тут мебель ставить?

Эти проверяющие свою линию гнут: «Вы указали, что купили два телевизора для туристов. Предъявите их!» Пришлось везти этих душегубов на нашу городскую квартиру в Полоцк и предъявлять им купленные телевизоры. И долго объяснять, что не можем мы их в «Живице» в дома поставить, пока в комнатах ремонт не сделаем.

Алла, рассказывая нам все это, чуть не плакала.

– Нам пришлось в недообустроенных домах принимать гостей. Банк настоял. Понимали мы отлично, что теряем свой имидж такой вот спешкой. А кому там в Глубокском райисполкоме и в банке до этого дело есть? По плану должны принять туристов – значит, обязаны принять. Хорошо, наши гости были люди понятливые. А мы неудобства их хорошей едой да лаской своей сглаживали. А потом на нас еще и в суд подали.

– Это за что?

– Глубокский райисполком решил, что мы не выполняем условия договора с Агропромбанком. Что мы уже должны прибыль давать, а у нас ее нет.

– То есть даже не банк на вас подал, а мэрия районная.

– Ну да! Я же говорю – райисполком на нас подал в суд.

– И что? А чем вам это грозило?

– Мы бы тогда платили проценты не по льготному тарифу, как в указе президента прописано, а по коммерческой ставке. Это бы нас не только разорило, это бы нас просто убило. Ведь тогда наши с Витей пенсии пошли бы в уплату по процентам за кредит. А на что бы мы жили? Пришлось бы этот участок продавать.

Алла на минуту задумалась и продолжила:

– А может быть, они этого и добивались. Кому-то наш участок приглянулся, наверное.

– И чем все закончилось?

– Чудом закончилось. Витя у меня уже в суд собирался ехать, понимая, что все у нас отберут. Должен был он в Глубокое отправиться наутро. А накануне вечером я взяла договор с банком еще раз посмотреть. И прочитала, что мелким шрифтом было написано.

– И что там было?

– А там была оговорка, что на первые несколько лет мы освобождаемся от обязательства делать план по приему туристов. Я на радостях Виктора с постели подняла. Показала ему этот пункт...

– И что?

– Ну, суд мы тогда выиграла. Но на этом все не закончилось.

– А что еще было? Не томите, Алла!

Меня на самом деле так захватил ее рассказ о борьбе упорной семьи с белорусской бюрократией, что хотелось уже услышать все подробности этой удивительной истории.

– А дальше Витя у меня с ружьем на этих чиновников пошел.

– Ого! Как так?

– А как раз из-за того домика, в котором вы сейчас живете.

И Алла рассказала нам, что одним из условий владения их участком на берегу этого чудесного озера был запрет на строительство на берегу любых новых строений. А на месте нашего домика, как говорила хозяйка, стоял не то старый сарай, не то старая баня. Это старье невозможно было использовать вообще никак, так как, по сути дела, это были просто развалины.

Тогда Виктор купил где-то неподалеку ровно такой же по размерам старый, но еще довольно крепкий сруб и, убрав трухлявые бревна, возвел на месте разрушавшегося от времени сарая вполне приличный симпатичный домик, в котором мы с Леной сейчас и проживали.

– Ребята, вы не представляете, что тут началось! – Алла, судя по ее лицу, до сих пор живо переживала эти события. – Приехали из этого Глубокского райисполкома люди и говорят: «Снесите этот домик. Не имели вы здесь права что-то строить». Витя объясняет им, что сруб, который он поставил, и по размерам, и по возрасту точно такой же, что здесь и стоял. Только не такой гнилой.

А ему: «Ничего не знаем. Если не снесете, будем ломать сами». А мы же в каждую досочку здесь душу вкладываем. И отказался Витя сносить.

Ну, эти разрушители сначала уехали. А потом вернулись через несколько дней. Вернулись с милицией и техникой для сноса. Прямо войсковую операцию устроили.

И вот тогда мой Виктор взял ружье и вышел навстречу карателям. Те, понятное дело, испугались. А муж, держа в одной руке оружие, другой достал телефон и позвонил своему прежнему сослуживцу (он же у меня в МВД работал, в чине майора на пенсию вышел), который сейчас на большой должности в Витебске. Позвонил, значит, и говорит ему: «Если сейчас этот беспредел райисполкомовские не прекратят, то я за себя не отвечаю. Открою огонь».

Ну, друг попросил его подождать, тут же, видимо, перезвонил каким-то чинам из витебского областного исполкома. Те позвонили в Глубокое. Эти, из Глубокского, позвонили тем, кто дом собирался наш сносить, и захватчики отступили, – Алла грустно ус-

мехнулась. – А окончательно от нашего домика отстали, когда муж до самого полномочного представителя Лукашенко в Витебской области добрался. Тот оказался мужиком нормальным, разобрался, что к чему, и приказал прекратить безобразия.

Так мы свой домик и отстояли.

По словам Аллы, все эти волнения не прошли для ее мужа бесследно. Вскоре после этой жуткой истории с домиком Виктор очень сильно заболел и год кочевал по больницам и госпиталям.

– Так что, ребята, был весь прошлый год для нас фактически потерян. Много здесь хотели еще сделать, но пришлось пока остановиться. Вы уж извините, что принимаем вас здесь не с тем комфортом, на который вы, быть может, рассчитывали. Но вот так получилось.

Аллу в этой некрасивой ситуации обидела не только наглость местных чиновников.

– Вот, ребята, посмотрите на соседний участок, – и она махнула рукой направо. – Видите, что там построено?

А построено на соседнем участке было немало. Там красовались два новеньких коттеджа и у самого озерного берега стояла, по всему видать, недавно срубленная банька. Причем стояла эта банька гораздо ближе к воде, чем наш домик на участке Аллы и Виктора.

– Видите? – переспросила наша хозяйка. – Этот участок купил большой человек из Минска. Отгрохал прямо в водоохранной зоне себе хоромы, а ему даже никто слова не сказал. Просто глаза на это закрыли, и все. А с нами, что же, можно и как с преступниками обращаться...

Наконец мы увидели и самого героического мужа Аллы Виктора. Он приехал в усадьбу со старшей дочкой Ольгой и ее маленьким шустреньким сыном. Виктор оказался симпатичным, но очень занятым мужиком.

Он то что-то делал по дому, то звонил кому-то, раздавая указания своим подчиненным, занятым обустройством конноспортивного комплекса в Полоцке, то обсуждал с Аллой неотложные хозяйственные вопросы.

Наконец выкроил минутку и для нас. Широко улыбнулся, когда я сказал ему, что родился в Медвежьегорске – городе, где у него родственники живут.

– Вот так? Это же здорово! Правда, я с ними уже много лет не общался. Но в Карелии у вас был лет пятнадцать назад. У меня тогда машина была – «уазик», и я ее задумал продать. Машина моя была почти ручной сборки: я там и движок новый поста-

вил, ходовую полностью перебрал, новые колеса... Короче, конь мой для охотников и рыболовов идеально подходил. И посоветовали мне в ваши края проехать и там покупателя найти. Говорили мне, что за хорошую цену с руками и ногами оторвут.

– Оторвали?

– Ага, оторвали. Я ее в городе продал с таким... смешным, немного ругательным названием.

Я округлил глаза.

– Что за город у нас с ругательным названием?

– Ну... сейчас не вспомню. Он еще на берегу Ладожского озера стоит. Маленький такой городишко.

Я стал перебирать все наши населенные пункты в карельском Приладожье...

– Вы, наверное, в Лахденпохье были?

– Точно, – обрадовался Виктор. – Там я свою ласточку и продал. Это, как сейчас помню, поздней осенью было, поездка-то моя в Карелию. Но все равно в Ладогу залез и искупался.

– Да ладно, – удивился я. – Вода-то, небось, холоднющая была!

– Он у меня и зимой, бывает, здесь в озере купается, – с гордостью сказала тихо подошедшая к нам Алла. – С детства так привык. Морж мой.

И она ласково посмотрела на мужа. Мы сразу почувствовали, как сильно она его любит.

Но не менее сильно, и это чувствовалось, она любит и своего внука. Пока он с мамой гостил в усадьбе, Алла от него буквально не отходила.

– Я ведь очень детей люблю, – смущенно признавалась она нам с Ленкой. – Всю жизнь с ребятами проработала, с маленькими. Я ведь по образованию педагог. Потом своих вырастила. Вот старшая моя – Ольга – которая с Витей приехала, она по стопам отца пошла. Сейчас в МВД нашем работает, уже капитан. Младшая – в больнице медсестра.

Наша хозяйка вздохнула и продолжила.

– Младшая в своей больнице копейки получает, такая уж у наших медсестер зарплата.

И квартиру ей уже свою не построить, у нас нет больше льготного жилищного кредита для молодежи. Вот старшая-то с мужем еще успели этой льготой воспользоваться. А потом в 2008-м кризис этот проклятый, и все льготы для молодежи начали отменять. И теперь уже жилье не купить у нас ни молодым, ни бюджетникам...

То, что социальные программы в Беларуси постепенно сворачиваются, мне говорил и Эдик, и сам я читал об этом в белорусских газетах.

Буквально за два месяца до нашего приезда в страну там отменили бесплатный проезд на обще-

ственном транспорте для студентов вузов, техникумов и профессионально-технических училищ.

Причем, как объяснил это в газете «Аргументы и факты» в Белоруссии» председатель Минского горисполкома Николай Ладутько, это было сделано потому, что уровень доходов у молодежи стал выше: «... для молодых людей существует много возможностей для подработки в свободное от учебы время. Есть вакансии в сфере услуг, гостиничного бизнеса, высоких технологий, строительства...»

Более того, чтобы студенты могли сами зарабатывать себе на жизнь, в том числе и на проезд в Беларуси, минский мэр предложил не сворачивать работу студенческих отрядов 1 сентября, а продолжать их деятельность и в учебном году.

Короче, белорусской молодежи предлагается не ждать помощи от государства, а рассчитывать на свои силы.

Мне кажется, что это разумно. Может быть потому, что все то время, что я сам проучился в университете в советское время, подрабатывал и мог позволить себе чуть больше, чем сверстники: покупать путевки на юг, водить девушек в кафе и приобретать у фарцовщиков дефицитные в ту пору джинсы.

Эдик, как и обещал, приехал к нам в усадьбу половить рыбку и пожарить шашлыки. Я заранее договорился с Аллой о ночлеге для семейства своего друга. Их поселили в гостевых комнатах большого дома.

Эдик привез замечательную свежайшую свиную шею, из которой и получился просто во рту тающий шашлык.

И опять мы просидели с ним до поздней ночи, обсуждая мироустройство и свободу человека.

По мнению моего друга, из всех государственных структур надо оставить только полицию, которая будет следить за порядком, все остальное должны решать люди на общих собраниях – как жить, что производить, чем заниматься, кого пускать в свои границы, кого не пускать.

Вот тоже белорусский Кампанелла!

Ну, что еще рассказать о «Живице»...

Там необычайно крепко и сладко спалось. И это был действительно освежающий сон. В какой-то из дней нашего пребывания в усадьбе Лена поставила личный рекорд, проспав почти пятнадцать часов! Мне так не поспать при всем желании.

Как я уже говорил, мы еще выбирались на прогулки по окрестностям деревни. Долгое окружено полями, частными и колхозными, на которых уже было убрано зерно.

О том, как идет в Беларуси уборочная, сколько тонн зерна убрано, сколько еще осталось, какая из областей в передовиках, какая в отстающих – об этом нам обстоятельно рассказывали в новостях белорусских телеканалов. Вести с полей открывали каждый новостной выпуск.

Из новостей мы также узнавали и о том, кого из своих министров Александр Григорьевич снял с постов, кого назначил. Пока мы гостили в Беларуси, Лукашенко поменял министров сельского хозяйства и иностранных дел.

Нас подробно извещали о том, с кем встретился президент и о чем со своими гостями говорил.

Особенно понравилась мне история о том, как он встречался с приглашенными в страну на отдых иностранными семьями.

Телеканал ОНТ (общенациональное телевидение) – один из основных белорусских каналов – пригласил в гости в Беларусь семьи из Америки, Китая, Южной Кореи, Франции и еще нескольких стран для того, чтобы они поездили по стране и своими глазами увидели, как живут здесь люди.

Каждую семью заранее спросили, чем бы они хотели заняться на этом импровизированном отдыхе.

Отец и сын американцы захотели половить рыбу – их отвезли в агроусадьбу, где отличная рыбалка. Китайцы оказались художниками, и им дали вволю порисовать белорусскую природу.

Каждому из гостей нашлось дело по душе.

В последний день своего пребывания в Беларуси иностранные семьи встретились с Лукашенко. Гости благодарили его за гостеприимство, рассказывали, как замечательно провели они здесь время, и дарили Александру Григорьевичу подарки.

Лукашенко в ответном слове заявил, что приезд этих семей лично для него очень важен. Что он постоянно говорит своему народу, в какой прекрасной стране они живут, и пусть теперь белорусы это услышат от простых людей из других стран.

ПОЛОЦК: РАЛЛИ НА КОМБАЙНЕ, СВЯТЫЕ МОЩИ ВЕЛИКОЙ ЖЕНЩИНЫ И СТАРИННЫЕ КНИГИ

Вот говорили же мне родители: «Всегда смотри, куда идешь, и не отвлекайся по дороге!» Как-то не запал мне в душу их совет, и, каюсь, отвлекаюсь иногда разговорами, когда держу путь куда-нибудь. И иногда прихожу совсем не туда, куда направлялся.

Так получилось и когда мы с Леной собрались в Полоцк.

– Все же просто, – еще раз, уже третий, наверное, повторяла нам Алла. – Сейчас идете по деревне, потом сверните направо и пойдете прямо до Зябок. Там – на станцию, на железную дорогу. Поезд через час, так что времени у вас больше чем достаточно!

И вот идем мы, болтаем и за этой болтовней повернули на дороге не направо, а налево. Повернули, значит, и дальше идем. Идем это мы, идем, разговариваем. И кажется мне, что как-то уже должны появиться железнодорожные пути, вдоль которых идет тропинка на станцию. А путей все нет. И опять идем.

И с каждым шагом все больше удаляемся от цели нашего похода – симпатичной, обсаженной цветами станции Зябки. И ведь на дороге никого не было, чтобы спросить – правильно ли мы движемся.

Проезжали редкие машины, которые на наши робкие жесты остановиться не реагировали. Или не видели просто...

И вот так мы дошли до поля, на краю которого стояли два комбайна, а комбайнеры – молодой парень и пожилой мужчина – стояли рядом с ними и курили.

– Извините, – обратился я к ним. – Вы подскажите, правильно ли мы идем в Зябки?

Пожилой комбайнер только собрался затянуться, но, услышав мой вопрос, он как-то странно хрюкнул, и рука его с сигаретой опустилась.

– В Зя-а-а-абки вам? – недоверчиво переспросил он. – А откуда вы?

– Да мы вот из Долгого идем. Отдыхаем здесь у вас. Решили в Полоцк съездить. Так правильно на станцию-то идем?

– Да вы не на станцию идете, а от нее, – ответил, улыбнувшись, молодой. – Получается, километров пять уже в противоположную сторону прошли.

Лена недобро покосилась на меня, будто я один свернул не туда.

– Спасибо, – грустно поблагодарил я механизаторов и обратился к своей спутнице: – Ну что, обратном пойдем?

– А на поезд-то уже явно не успеем, – ответила Лена.

– Так, может быть, какую-нибудь машину найдем до города. Спросим в магазинах у продавщиц, может быть, кто-то за деньги и довезет нас.

– Ну, пошли, – вздохнула Лена. – Больше ничего не остается.

И мы двинулись в обратный путь. Где-то вдалеке весело прогудел поезд, наш, вероятно. Тот, что должен был довезти нас до Полоцка.

Совсем недалеко мы отошли от того поля, где отдыхали мужики, как сзади послышался мерный грохот. Обернувшись, я увидел, что нас догоняет на своем комбайне молодой парень. Он лихо затормозил перед нами и приглашающе махнул рукой:

– Садитесь, довезу до Зябок.

Вы никогда не катались на комбайне? Это, скажу я вам, еще тот аттракцион. Огромная машина, на борту которой было написано «Полесье», весело громыхая той самой штукой, подвешенной впереди, которой и собирают колосья, неслась по направлению к деревне.

Лена устроилась в кабине, а мне ничего не оставалось делать, как остаться на площадке перед кабиной и, крепко вцепившись в поручни, смотреть вперед. Думал я в тот момент лишь об одном: как бы нам на пути не попала какая-нибудь рытвина, на которую можно налететь колесом. Если это случится, размышлял я, то вылечу кувырк с площадки и будут люди мои косточки в мешочек собирать...

Но, к счастью, дороги в Беларуси, даже проселочные, в отличном состоянии. Поэтому мы благополучно донесли до железнодорожного полотна, у которого комбайн остановился.

– Вот по этой тропинке пойдете и выйдете прямо к станции, – сказал напоследок парень. – Поняли?

– Поняли! Огромное вам спасибо!

– Вот и добренько, – улыбнулся комбайнер. – Счастливого пути.

Очень мне понравилось это слово: «добренько».

Очень оно теплое, очень уютное какое-то. Когда его произносили Эдик, Алла или вот этот комбайнер, на душе становилось теплее. «Добренько!» Замечательное слово!

Итак, мы добрались до Зябок и остановились у «государственного» магазина.

– Ну что, – спросил я у Лены. – Пойдем попытаем счастья?

– Пойдем, – согласилась она. – А вдруг получится?

Мы зашли в маленький торговый зал, поздоровались с продавщицей и рассказали ей нашу грустную историю. И спросили, не найдется ли у нее каких-нибудь знакомых, кто за плату отвезет нас в Полоцк.

Тетенька искренне нам посочувствовала и тут же начала названивать своей знакомой, у которой имелся автомобиль. Она звонила ей еще и еще раз, но на ее звонки никто не отвечал. Продавщица виновато развела руками:

– Наверное, в огороде что-то делает. Сейчас еще двум моим знакомым позвоним.

Она попыталась позвонить еще кому-то, но там тоже не отвечали.

– Ну вот, ребята, вы уж извините, не получилось вам помочь.

Мы тепло попрощались с отзывчивой женщиной и побрели пытаться счастья в магазине «коммерческом».

Там действовали по той же схеме: поздоровались, рассказали о своей беде и попросили помощи.

– Э, ребята, тут вам сейчас вряд ли кто-то поможет. Все на работе, у нас же уборочная. Так ведь, Максим? – она обратилась к мужику, который деловито засовывал в карман огромных штанов полторашку пива. – У нас же сейчас все работают?

– А то! Все работают, – авторитетно подтвердил тот, засунув-таки бутылку в штаны.

– А вы знаете что сделайте, – предложила работница частного прилавка. – Вы сейчас идите до трассы, она тут в двух с половиной километрах. Там остановка есть. Вы стойте и голосуйте. Обязательно кто-то остановится и вас до Полоцка довезет.

– Просто так возьмут и довезут? – недоверчиво переспросил я. – Посадят незнакомых людей в машину?

– А что тут такого, – удивилась продавщица. – У нас это запросто.

Совет был хорош, но я посмотрел на Лену, которая после нашего марш-броска из Долгого выглядела усталой, и понял, что еще одного пешего перехода она не выдержит.

Мы вышли из «коммерческого» магазина и увидели, что у его крыльца стоит небольшой пикапчик, из чрева которого здоровенный мужчина играючи выгружал тяжелые ящики с овощами, хлебом, тушенкой и еще какими-то продуктами. Уже совершенно без всякой надежды я обратился к нему.

– Здравствуйте! А вы сейчас выгрузитесь, а потом не в Полоцк случайно едете?

– Случайно нет, – ответил гигант. – Но до трассы вас докину.

– Вот спасибо, – обрадовался я. – Мы запла- тим!

– Да бросьте вы, – отмахнулся он. – Какие деньги? Довезу так, только подождите, пока разгрузюсь.

Он быстро занес последний груз в магазинную кладовку, подписал у продавщицы накладные и улыбнулся нам.

– Поехали!

По пути он поинтересовался, откуда мы и как попали в Зябки. Узнав, что живем в Карелии, обрадовался:

– Ух ты! А у меня в Сегеже родственники живут. Знаете такой город?

– Конечно, знаем, – ответил я. – А как они там оказались?

– Да как и все. Уехали тетка с мужем в пятиде- сятых годах туда на стройку, денег подзарабо- тать, да так там и остались. Теперь-то уже их де- ти и внуки там укоренились. Мне-то самому к ним не съездить – дорого. Если только они к нам при- едут – вот тогда и свидимся. А вот и трасса. Здесь на остановочке станьте и голосуйте. Кто- нибудь обязательно вас подберет. Добренько?

– Спасибо огромное вам!

Мужик засмеялся:

– Сегеже привет передавайте!

Правы были люди в Зябках – не прошло и пяти минут, как наши поднятые руки заметили, и у ос- тановки притормозила серая, далеко не новая иномарка, в которой сидели молодой и пожилой мужчины. Отец и сын, наверное. Услышав нашу просьбу подкинуть до Полоцка, молодой человек – он был за рулем – согласно кивнул:

– Садитесь. Только мы не в Полоцк едем, а в Новополоцк. Так что высадим вас на кольцевой, а оттуда до центра Полоцка автобусы и маршрутки идут. Устроит так?

Мы радостно закивали головами и прыгнули в салон. От Зябок до Полоцка пятьдесят пять кило- метров. И проехали мы их в тепле и комфорте, спасибо двум белорусам искреннее за это.

Они высадили нас, как и обещали, у автобусной остановки.

Буквально сразу подошла маршрутка, которая и доставила нас в самый центр Полоцка. Нако- нец-то я смог побродить по улицам самого древ- него города Беларуси и вообще одного из древ- нейших городов знаменитой Киевской Руси. По- белорусски название его звучит «Полацк».

Впервые Полоцк упоминается в древнерусских

летописях в 862 году. И в тех же летописях гово- рится, что в 895 году легендарные киевские князья Аскольд и Дир воевали с Полоцком.

Полоцкое княжество росло и развивалось са- мостоятельно до пятнадцатого века. В это столе- тие оно входит в состав Великого княжества Ли- товского.

Полоцк, как и многие белорусские города, пе- реходил из рук в руки: его завоевывали русские армии, потом он опять был литовским, потом – польским владением.

В шестнадцатом веке Полоцк имеет огромное для средневековой Европы население: почти сто тысяч человек!

Для сравнения: сейчас в городе насчитывается немногим более восьмидесяти тысяч жителей.

Но эпидемия чумы в 1566 году, голод в 1600 и в 1741 годах, пять страшных пожаров в семнадца- том, восемнадцатом и девятнадцатом веках превратили процветающий город в мелкий заш- татный городишко.

В 1812 году Полоцк, входивший уже тогда в состав Российской империи, насчитывал 9000 жителей. В городе было «12 улиц, 8 улочек, 29 пе- реулков и 1300 домов».

Но город растет, и в конце девятнадцатого века в нем уже работают «3 сапожнические фабрики, мыловаренный завод, кожевенные заводы, вино- куренные заводы, 2 пивных завода, 2 табачные фабрики, 5 гончарных мастерских, спичечный за- вод и завод содовой воды». Население Полоцка в ту пору – почти двадцать тысяч человек.

Вот таким примерно он и достался советской власти.

Первым делом, когда мы приехали в Полоцк, я повел Лену смотреть Софийский собор.

Это просто чудо архитектуры. Собор стоит на высоком речном берегу.

Его фасад, украшенный двумя высокими изящ- ными колокольнями, врезается в небо.

Если смотреть с подножия горы, на которой он стоит, то собор похож на большой космический корабль, готовый к запуску.

Софийский собор был заложен в одиннадца- том веке. Но во время Северной войны, в 1705 го- ду, Петр I, не желая оставлять такой ценный стра- тегический объект и наблюдательный пункт шве- дам, приказал взорвать храм.

Восстановили его лишь к 1750 году и именно в том виде, каким он предстал перед нами.

Во времена советской власти Софийский со- бор был закрыт, и сейчас здесь музей истории архитектуры храма.

Внутри полоцкой Софии попасть нам не удалось, там обосновалась какая-то богатая свадьба: в храме иногда проводятся торжественные регистрации браков.

Из-за этой свадьбы нам не удалось подробно рассмотреть еще одну городскую достопримечательность, расположенную прямо рядом с собором, – Борисов камень.

Этот Борисов камень представляет собой огромный валун, на котором выбиты кресты и надписи.

Поскольку и кресты, и надписи были сделаны неизвестными камнетесами в двенадцатом веке, во времена правления полоцкого князя Бориса (его имя выбито на валуне), он и назван Борисовым камнем.

Ученые говорят, что таких Борисовых камней было несколько, но большинство из них уничтожили в советское время как предметы религиозного культа.

Ученые-историки до сих пор не могут ответить на вопрос, зачем князю Борису надо было выбивать кресты и надписи на этих валунах.

Не знаю, помогали ли князю эти валуны править в его время, но то, что он навечно вписал свое имя в историю, даже не вписал, а вбил – это точно.

А еще в Полоцке есть музей средневекового рыцарства. В этом музее в трех совсем небольших залах, фактически комнатах, расположены рыцарские доспехи и оружие. На стенах висят средневековые гербы, воссоздана комната в рыцарском замке и даже темница с костями неизвестного узника: скелет прикован цепями к кирпичной стене.

Осмотр экспозиции сопровождается световым шоу и занимательным рассказом об истории Полоцкого княжества.

Занятно побродить по этому небольшому музею. Кстати, у рыцарских доспехов можно и сфотографироваться, за это посетители дополнительных денег не берут.

С удовольствием побродил я и по музею-библиотеке Симеона Полоцкого и расположенному в этом же здании в центре Полоцка музею белорусского книгопечатания. То, что эти музеи находятся именно в Полоцке, вполне обоснованно. Ведь именно здесь родился белорусский первопечатник и просветитель Франциск Скорина (помните, тот самый, именем которого был когда-то назван в Минске нынешний проспект Независимости), и здесь же родина Симеона Полоцкого (почему, собственно, этот достойный муж и имел прозвище Полоцкий).

Симеон Полоцкий был действительно человеком уникальным. Поэт, общественный деятель, педагог, богослов и политик родился здесь, в Полоцке, в 1629 году.

Переехав в Москву в 1664 году, когда его родной город захватили поляки, он готовит переводчиков для Посольского приказа, пишет комедии, трагедии, поэмы и проповеди. А еще учит детей русского царя Алексея Михайловича – Алексея, Федора и царевну Софью.

Будущего российского императора Петра Великого он сам не учил, но был как бы куратором его непосредственного учителя Никиты Зотова.

Это именно он организовал в Московском Кремле первую там типографию. Это именно он яростно обличал раскол в православной церкви.

И, наконец, именно его можно считать первым в истории России спичрайтером, поскольку Симеон Полоцкий писал («составлял», как тогда говорили) речи для российского царя.

В этих музеях – книгопечатания и Симеона Полоцкого – представлены уникальные старинные книги, поистине бесценные сокровища белорусской и российской культуры.

Здесь же можно увидеть и старинный печатный станок, и даже воссозданные келью монаха-переписчика книг с самим мо-

*Памятник
Франциску Скорине*

нахом (из воска), и средневековую типографию с веселыми, тоже восковыми, печатниками.

Если в музее рыцарства по залам с доспехами гуляли мы одни, то здесь посетителей было довольно много. И иностранных туристов, и самих белорусов.

Спасо-Ефросиньевский православный женский монастырь мы с Леной оставили «на сладкое».

Именно в этом монастыре хранятся мощи небесной покровительницы Беларуси Ефросиньи Полоцкой, и в одной из его церквей сохранились уникальные фрески двенадцатого века.

У центрального входа в монастырь стоит специальный стеллажик, в ячейках которого лежат платки и длинные юбки для прихожанок. Лена надела все это на себя и стала похожа на белорусскую крестьянку, приехавшую на богомолье. Но пришлось такой прикид терпеть – иначе в монастырь не войдешь.

Ефросинью Полоцкую на белорусской земле почитают. Почитают и как святую, и как просветительницу, и как талантливого дипломата и политика.

Родилась будущая покровительница Беларуси между 1102 и 1104 годами в семье полоцкого князя Георгия Всеславича и его жены Софии.

С детства девочка (тогда ее звали Предславой) освоила грамоту и полюбила читать.

Читала, конечно же, книги духовные – других-то тогда не было. И чтение духовных книг привело ее к решению уйти в монастырь.

А тут еще тятенька-князь решил двенадцатилетнюю княжну выдать замуж.

А замуж-то Предслава как раз и вовсе не хотела, считая, что только один ей жених надобен – Христос. И прибежала она с такими мыслями к своей тетке, что была игуменьей близлежащего монастыря.

Тетка ее, игуменья Романова, сначала посмеялась девичьим бредням, а потом не на шутку испугалась.

Ведь суровый отец девушки наверняка хотел выдать дочь за какого-нибудь соседского князя или за кого еще поклуче. Династические браки тогда были весьма распространены. И могло игуменье влететь за то, что спрятала она у себя Предславу.

Короче, побледнела тетка от страха и стала уговаривать княжну вернуться к родителям. Но отроковица отказывалась наотрез, твердя, что будет жить только в монастыре и нужна ей жизнь духовная, а не плотская.

Уговорила она игуменью, и та стала думать, как из этой щекотливой ситуации выходить.

К разрешению создавшейся ситуации хитрая игуменья подключила епископа Полоцкого Илию. «Пусть он с князем поговорит, – решила тетка Романова. – А мне-то что под горячую руку Георгия соваться».

Епископ с папой Предславы все вопросы решил, девушка стала монахиней под именем Ефросинья и занялась переписыванием книг в Софийском соборе (том самом, возле которого стоит Борисов камень).

Библиотека собора была огромной и постоянно увеличивалась. Книги тогда стоили очень дорого, поэтому все это книжное богатство имело не только ценность духовную, но и вполне материальную.

Но вскоре молодая монахиня заскучала за переписыванием книг и побежала к епископу, чтобы рассказать свой сон. Во сне ей явился ангел и повел ее на окраину Полоцка. Привел и сказал: «Вот здесь тебе быть подобает. Это святое место».

Епископ тут же рассказал, что нечто подобное в ту же ночь приснилось и ему, и благословил Ефросинью на

*Памятник
Симеону Полоцкому*

строительство в этом месте каменной церкви Спаса и возведении здесь монастыря.

Видимо, Ефросинья была действительно талантливым управленцем, поскольку вскоре Спасо-Преображенский монастырь был построен, и она стала его первой настоятельницей.

Но ее неукротимая энергия не давала Ефросинье покоя: в новом монастыре настоятельница открыла для молодых послушниц курсы чтения и переписки книг, пения и вышивания.

Попутно она сделала монахинями двух своих сестер – Гордиславу и Евпраксию – чем окончательно вывела из себя батюшку-князя.

Но поделаться уже ничего было нельзя. Ушли в христовы невесты дочери, значит, ушли...

Ефросинья, вдобавок ко всему, оказалась еще и талантливым педагогом. Одну за другой она открывает школы для детей простых людей. И программы в этих школах были весьма передовыми для своего времени, как говорят историки.

Сохранилось обращение Ефросиньи к своим ученикам.

Говорила она им: «Вот, собрала вас, как наседка птенцов своих под крылья свои, в паствину, словно овец, дабы паслись в заповедях Божиих, дабы и я сердцем учила вас, видя плоды труда вашего, и таков дождь учения к вам проливалась; но нивы ваши в той же мере стоят, не возрастая, не поднимаясь вверх. А уж год подходит к концу, и лопата лежит на гумне! Божь, что будут в вас тернии и отданы будете огню неугасимому!»

Постарайтесь же, чада мои, избежать его, соделайтесь чистой пшеницей, смелитесь в жерновах смирением, молитвой и постом, чтобы хлебом чистым принестись на трапезу Христову!»

Короче, добра она была к школярам, но и строга.

Вот так и жила Ефросинья, учила монашек и детей, строила храмы и церкви и умножала библиотеки.

А еще она способствовала установлению прямых контактов Полоцкого княжества с Византией через тамошнего патриарха, что не могло не пойти на пользу ее родной земле.

На склоне жизни решила эта замечательная женщина, что окончить свои земные дни она должна именно на Святой Земле, в Иерусалиме.

Собрала обоз и поехала туда.

По пути встретила она византийского императора Мануила Комнина, который оказал ей царские почести.

И не только он один с почетом встречал православную святую – все властители земель, через которые проходил ее путь, оказывали ей честь и уважение – такова была ее слава.

Наконец добралась она до Иерусалима, поклонилась там святыням и 23 мая 1173 года скончалась в русском монастыре Пресвятой Богородицы.

В 1187 году ее мощи были перевезены в Киево-Печерский монастырь, а в 1910 году – в Полоцк, в основанный ею Спасо-Преображенский монастырь, который в честь нее и назван Спасо-Ефросиньевским.

*Памятник
Ефросинье Полоцкой*

Но путешествия Ефросиньи Полоцкой на этом не закончились.

В 1922 году раку с ее мощами вскрывают и отправляют их на атеистическую выставку в Москву.

Затем они возвращаются в Белоруссию, в Витебск – в запасники местного краеведческого музея.

Во время немецкой оккупации Полоцка, 23 октября 1943 года, мощи вновь оказываются в ее родном монастыре, где и пребывают до сих пор.

Поклонившись великой женщине и осмотрев действительно великолепные старинные фрески, мы с Леной вернулись в центр Полоцка и стали думать, как нам добраться до «Живицы», поскольку единственный в этот день поезд на Зябки уже ушел.

– Давай-ка пойдем покушаем что-нибудь, а то с утра ничего не ели, а там придумаем, как домой добраться, – предложил я Лене.

Она согласилась, внося лишь одно уточнение в мой несложный план.

– Еще в магазины зайдем, ладно? Ты же хотел книги купить...

И правда, все книги, что взял я с собой в Беларусь, уже перечитал, и это напоминание про магазины было весьма кстати.

На глаза нам попалось мини-кафе.

Подойдя поближе, мы прочли вывеску и поняли, что перекусывать нам придется в учебно-производственном предприятии местного колледжа общественного питания. То есть, понял я, на нас будут практиковаться будущие повара и кондитеры.

– Ай, да и ладно, – махнула рукой Ленка. – Авось не отравят.

Не только не отравили нас полоцкие студенты, но все, что мы там попробовали, было очень вкусно.

Плотно закусить мясом, салатиками, запивая все это свежим пивом, нам обошлось на двоих чуть больше двухсот российских рублей.

Пиво, правда, явно не в колледже общественного питания варили. Уж больно профессионально оно было сделано...

Отведав яств, приготовленных полоцкими студентами, мы прошли по магазинам и уселись возле памятника Франциску Скорине думать, как будем добираться до Аллы.

То, что здесь попутный комбайн поймать не получится, мы понимали.

Думали недолго, поскольку тут же на глаза нам

попался местный таксомотор с написанным на борту телефонным номером их компании.

Позвонили туда. Приятный девичий голосок заинтересовался, с какой стороны памятника мы будем ждать машину.

Немного поспорили с ней о том, что будет считаться «лево», а что «право», если стоять спиной к монументу белорусского первопечатника, после чего она сказала, что такси подойдет к нам через пять минут.

И ровно через пять минут мы узрели заказанную машину.

За рулем сидел мужчина средних лет, который уточнил, куда мы держим путь, и, услышав ответ, обрадовался.

– Да у меня же в Зябках теща живет! А вы, значит, в Долгом обитаете? Знаю, знаю. Дык что же, мигом домчим.

И мы поехали домой к Алле.

Наконец-то мы ехали в «Живицу» не впопыхах, обвешанные чемоданами и думами о том, как нас встретят, а спокойно, даже умиротворенно, удобно раскинувшись на сиденьях.

Пролетали мимо нас аккуратные деревни, и поселки, и пустые убранные поля. На обочинах кое-где стояли сделанные из сена большие и не очень куклы, одетые в национальные белорусские одежды, с нарисованными улыбающимися личиками.

– А что это у вас за украшения? – спросил я у водителя. – Праздник, что ли, какой был?

– Был праздник, – охотно отвечает он. – У нас уборочная закончилась, вот и был праздник урожая. А когда этот праздник проходит – вот таких красавиц у нас и ставят.

– А как праздник проходит?

– Да весело проходит. С песнями, плясками, концертами.

– И все добровольно праздновать приходят? Или насильно сгоняют?

– Отчего же насильно, – даже обиделся немного таксист. – Добровольно. Все же работали, все же в урожай душу вкладывали. Чего же насильно-то?

– Получается такой колхозный корпоратив, – догадался я.

– Во-во, – захохотал мужик. – Точно, корпоратив!

– А вы сами тоже участвовали в таких праздниках урожая?

– Ясное дело, участвовал, когда в деревне жил.

– А чего уехали из деревни?

Таксист помолчал немного, потом ответил:

– Чего уехал? Да денег не стало хватать на жизнь. Я учителем физкультуры работал в школе в поселке недалеко от Зябок. После кризиса на мою зарплату жить нельзя стало. А у меня же жена, дети. Двое детей – сыновья. У нас же многие в те годы только огородом и спасались, что вырастим, то и едим. А зарплата – на одежду еле-еле хватает, на другие какие продукты, что сами не выращиваем. С каждым годом все хуже и хуже было.

И вот в город перебрался, там квартира родительская. Таксистом устроился. У нас в предприятии таксистами и инженеры работают, и учителя, как я. И врачи даже. Семьи-то надо кормить...

Больше он не стал ничего рассказывать. Так и доехали до «Живицы» в молчании.

Алла встретила нас у ворот и облегченно вздохнула:

– Приехали, наконец, а то я тут вас уже совсем заждалась. Дизель пришел, а вас нет. Ну, думаю, где искать теперь моих ребят?

За ужином мы рассказали ей о своих приключениях.

Алла всплескивала руками и смеялась. Особенно ей понравилась история о добром комбайнере...

ПРОЩАЙ, БЕЛАРУСЬ!

Из «Живицы» мы планировали уехать за день до нашего поезда в Петрозаводск и провести последнюю ночь в Витебске, в гостинице, что так и называется: «Витебск». Стоит она в самом центре города.

Номера там мы заказали, еще гуляя по этому городу в первый раз, как туда попали – возвращаться в логово к Петровичу нам совсем не хотелось.

Накануне отъезда, вечером, Алла сообщила нам, что они с Виктором отвезут нас на своей машине в Полоцк.

– Утром муж приедет, а я как раз к дочке собралась, – объясняла она. – Вот вместе и поедем. Мы вас до автовокзала доведем, а там уж на автобусе в Витебск доберетесь. Добренько?

– Добренько, Алла, – ответили мы и пошли собирать чемоданы.

– А я вам в дорогу завтра беляшей напеку. А то

вам еще до Карелии вашей сколько ехать-то, – крикнула добрая хозяйка нам вслед.

Наутро я притащил наши пожитки к большому дому.

У машины уже суетился Виктор: укладывал в багажник яблоки, какие-то банки и пакеты.

– Гостинцы дочке и внуку, – объяснил он. – Как же их без подарков-то оставить. – Помялся немного, а потом тронул меня за рукав. – Александр, вы же у нас вроде писателя получаете, да?

Это он так решил, потому что подарил я Алле свою книжку рассказов на добрую память.

– Да какой я писатель? Так, сочиняю в свободное время. А что?

– Да тут, видишь, какое дело. Первого сентября, через три дня, в Полоцке открытие моего конноспортивного клуба.

– Да, знаю, – кивнул я. – Алла рассказывала, что у вас там интересный проект намечается.

– Так вот тут какое дело, – повторил он. – Там народ соберется, гости придут, председатель горисполкома обещал быть. Надо мне речь перед ними произнести, а я как-то говорить-то... это... не мастак. Может, напишешь мне речь, а? Коротенькую совсем, на три минуты?

Я засмеялся.

– Да такому человеку грех не помочь. Конечно, напишу. Давайте мне какие-нибудь материалы про ваш клуб, как его строили, что там будет и кто его строил. Сделаем!

Виктор прямо расцвел.

– Сейчас все принесу, только напиши.

И он достал из салона машины красочные проспекты, какие-то документы и протянул все это мне.

– Вот!

Пока гостинцы дочке и внуку, а также наши чемоданы устраивались в автомобиле, речь была готова. Виктору, кажется, она понравилась. Он довольно кивнул и пригласил нас и Аллу в машину:

– Я готов, поехали.

В Полоцке мы тепло попрощались с нашими замечательными хозяевами. Алла расцеловала Лену и меня, немножко прослезилась и перекрестила нас.

– Счастливо вам добратся, ребята!

Как только мы появились на полоцком автовокзале, к нам тут же подошел пожилой, одетый в джинсовый костюм человек.

– Куда едем?

– В Витебск. Подбросите?

Джинсовый человек задумался.

- Дороговато стоить будет.
- Сколько?
- Да что сколько? Дорого!
- Да сколько же?

Мужик помялся, потом вздохнул и потом только ответил:

– Ну, вообще-то, я за четыреста тысяч на круг вожу, это если у меня машина полная. А вас двое, так что за триста пятьдесят доедем.

Мы переглянулись.

- Поехали!
- Договорились. А вы откуда?
- Из России.
- И чего это вас сюда принесло?

– Так просто. Отдыхаем. Ну что, едем?

Он весело мотнул связкой ключей, надетой на палец.

– Ну, поехали так поехали! Я сейчас сюда подъеду.

Вскоре из-за угла автовокзала появился темно-синий микроавтобус «мерседес».

Водитель открыл пассажирскую дверь и мигом закинул туда наш багаж.

– Садитесь! Меня, кстати, Георгием зовут.

– Меня Саша.

– А меня – Лена.

– Вот и познакомились. Садитесь как вам удобнее, места много.

Ленка устроилась на диванчике сзади, а я сел на переднее сиденье рядом с водителем.

И мы полетели к выезду из города.

На выезде стояли белорусские гаишники и лениво провожали глазами проносящиеся мимо них машины.

– Слушайте, Георгий, – спросил я. – А что у вас, правда, гаишники взятки не берут?

Георгий мотнул кудлатой головой.

– Правда. Не берут.

– Боятся?

– Кто и боится. А вообще, как-то не принято это у нас. Если остановят и нарушение небольшое – сделают внушение и отпустят. А если что-то серьезное, то лучше денег и не предлагать – сам в тюрьму загремишь за дачу взятки.

– Seriously все тут у вас.

– А то!

Георгий какое-то время крутил руль молча, потом спросил:

– Понравилось вам в Беларуси?

– Конечно! Замечательная у вас земля. И люди тоже замечательные.

Водитель вздохнул.

– Ну да, замечательная земля. Только молодежь бежит с этой замечательной земли.

– Куда бежит?

– Да большей частью в Россию, к вам бежит. Кому повезет – на Запад. И работают там кем придется, но лишь бы там. Не здесь.

– Почему так?

– Да при наших зарплатах попробуй проживи. И все дорожает с каждым годом. Вот у меня сын. Уехал с друзьями куда-то под Питер, работает на птицефабрике, курей забивает. А ведь высшее образование у парня, агроном. Так он там за неделю получает столько, сколько здесь за месяц бы получал. Ну это нормально?

– А если оппозиция ваша к власти придет? Лучшее будет?

Георгий чуть баранку из рук не выпустил.

– Кто? Да они только болтать умеют! А к власти придут – все продадут, нас продадут оптом и в розницу.

– Почему?

– Да надо же им будет подачки западные отработывать. У нас уже один такой предатель был, рыло свиное, Шушкевич. С вашими Горбачевым да Ельциным Союз развалил. А с Лукашенко хоть у нас надежда есть, что поправится все. Поменяется к лучшему. Да и порядок в стране какой-никакой есть.

– Получается, что как ни поверни у вас – все хорошо не выходит?

– Да так и получается...

– Да ведь и в России далеко не рай...

– Да это понятно. Везде своих тараканов хватает. И у вас, и у нас.

За разговорами о жизни мы промчались сто пятьдесят километров. Георгий высадил нас у дверей гостиницы, получил деньги и довольно сказал:

– Ну, вот как хорошо вы мне подвернулись. Сегодня уже могу не работать!

Он даже в знак благодарности попытался отобрать наши чемоданы и донести их до стойки администратора. Но мы этому решительно воспротивились и помахали ему рукой.

– Спасибо! Удачи вам!

– И вам того же!

Синий «мерседес» развернулся и рванул в обратный путь. На Полоцк.

В последний наш белорусский вечер мы шатались по Витебску без всякой цели. Заходили в кафе и магазины, гуляли по улицам и наслаждались бездельем.

Хотя нет, у меня была одна цель.

Дело в том, что из каждой страны, в которой бываю, я всегда привожу футболки с какими-нибудь красивыми картинками или смешными надписями, которые напоминают мне потом о тех местах, где они были куплены.

Я и в Минске, и в Витебске, и в Полоцке искал такие прикольные футболочки. Но не нашел.

Зато в каждом крупном белорусском универмаге есть специальный отдел, который называется «Одежда с символикой Республики Беларусь». Там продаются спортивные костюмы, бейсболки, футболки, куртки и майки с белорусским орнаментом и вышитым на груди гербом Беларуси. Стоит такая одежда совсем недешево, даже по российским меркам, и мне до сих пор непонятно, кто ее покупает.

Кто ее покупает? Кроме меня...

Именно в таком отделе в центральном универмаге Витебска я и приобрел две футболки – красную и оранжевую – с гербом на груди и с надписью на спине: «Беларусь».

Ну хоть такие, подумал я, привезу.

Сейчас я их ношу с большим удовольствием. Очень качественные вещи оказались.

Только от вышитого герба постоянно что-то колет и чешется в районе левого соска.

Но это ерунда...

В Витебске тепло. Последний день лета – тридцать первое августа.

Мы сидим с Ленкой на привокзальной площа-

ди, я читаю свежие газеты, она изучает журнал «Караван историй».

Время от времени мы отвлекаемся от чтения и, буквально как коты, жмуримся от яркого солнца.

– Как уезжать-то не хочется, Саня, – говорит она. – Красота здесь.

– Точно, – лениво откликаюсь я. – О! Слушай!

Над площадью разносится женский голос: «Скорый поезд «Минск – Мурманск» прибывает к третьей платформе. Нумерация вагонов с головы состава».

– Это за нами, – говорю я. – Поехали, Ленка, домой...

**Минск – Витебск –
усадьба «Живица» – Петрозаводск
август – декабрь 2012 г.**

Александр ЕРШОВ

родился в 1964 году в Медвежьегорске.

Окончил исторический факультет Петрозаводского университета.

Работал в печатных СМИ и на телевидении,

в настоящее время – в энергетической компании.

Автор книги «Городские истории. Путевые заметки» (Петрозаводск, 2011).

В журнале «Север» публикуется с 2011 года.

Член Союза журналистов РФ.

Живет в Петрозаводске.

